

3. ТИПЫ И ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ

Г.Д. Левин

Диалог как форма коммуникации

Тезис, что диалог есть форма коммуникации, возражений не вызывает. Сомнителен более сильный тезис: диалог есть форма *только* коммуникации. Ему противостоит убеждение, что в диалоге информация не только передается от одного лица к другому, но и рождается. Именно это убеждение выражает известная еще с античности поговорка: «*В споре рождается истина*». Цель статьи – обосновать сильный тезис и проследить выводы из него.

Что такое диалог? Ответить на этот вопрос непросто. В «Философской энциклопедии» и в «Новой философской энциклопедии» статьи «Диалог» нет. Нет строгого определения диалога и в работах признанных авторитетов в этой области – М.Бубера, М.М.Бахтина и В.С.Библера. Они предпочитают говорить о роли диалога, а не о том, что он собой представляет. В контекстах философских работ диалог понимается по крайней мере в шести смыслах.

1. Процесс исследования природы называют *диалогом с ней*.
2. Примерами диалогов считают разговоры литературных героев.
3. Диалогами называют внутренние диалоги, диалоги с самим собой.
4. Диалогом с Платоном, Аристотелем и т. д. называют критический анализ их концепций.
5. Диалогами называют обсуждения проблемы, длящиеся несколько веков, например, средневековый спор об универсалиях.

6. Диалог противопоставляют полилогу.
Разберемся.

1. Диалог с природой не является частным случаем диалога просто потому, что диалог – это вид коммуникации, а коммуникация – это переход информации из одного сознания в другое. Поскольку природа сознанием не обладает, постольку ее исследование – не диалог по определению. Называть ее исследование диалогом можно лишь метафорически.

2. М.М.Бахтин строит свою теорию диалога на материале разговоров, ведущихся героями Ф.М.Достоевского. В его текстах нет прямого утверждения, что литературный диалог – это вид диалога. Но из контекста его так можно понять, и многие именно так его и понимают.

Однако включать разговоры литературных героев в класс диалогов не больше оснований, чем, скажем, включать нарисованных львов в класс львов. А исследовать природу диалога на их материале – то же самое, что исследовать детскую психологию по книге Н.Носова «Витя Малеев в школе и дома». Литературный диалог создан *одним* человеком. Следовательно, это монолог по определению. В литературном диалоге автор распределяет между своими персонажами те тезисы и антитезисы, которые сталкиваются между собой в его собственном сознании.

3. Вторая идея М.М.Бахтина, лежащая в основе его теории диалога, – идущее еще от Платона убеждение, что внутренний диалог, «разговор души с самой собой» – это вид диалога.

Я преклоняюсь перед литературоведческим даром М.М.Бахтина, но вынужден не согласиться и с этой его философской идеей. Вот аргументы.

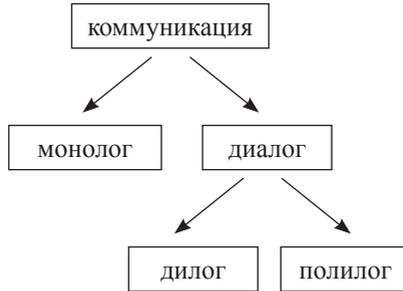
Основанием для веры в реальность внутренних диалогов является тот бесспорный факт, что в ходе размышлений над проблемой человек взвешивает аргументы за и против ее альтернативных решений. Это же происходит и в диалоге, с той лишь разницей, что тезис отстаивает один человек, а антитезис – другой. Но этого сходства недостаточно для того, чтобы назвать диалогом сопоставление одним человеком альтернативных решений проблемы. Диалог – это коммуникация, а коммуникация – это передача информации от одного лица к другому. Там, где нет другого лица, нет коммуникации и, следовательно, диалога: че-

ловек не может сообщить себе что-то такое, чего бы он не знал. Минимальное число участников любой коммуникации – и монолога, и диалога – двое: проponent и оппонент. «Разговор с самим собой» – это *исследование* – процесс, качественно отличный от диалога и *предшествующий* ему.

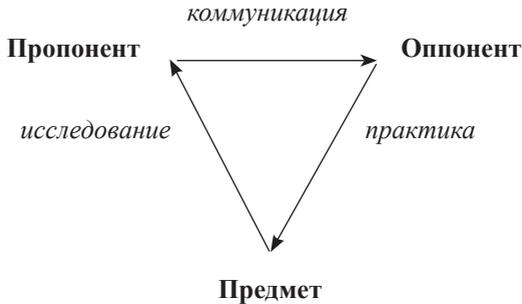
4. Диалог с Платоном, Аристотелем, Кантом и т. д. – это передача информации от одного лица к другому и, следовательно, коммуникация. Но здесь отсутствует обратная связь: Кант не может сказать нам все, что он думает по поводу нашей интерпретации его идей. Следовательно, «диалог с Кантом» – это такая же метафора, как и «диалог с природой».

5. Значительно труднее показать, что диалогом не является средневековый спор об универсалиях. Ведь в нем есть и передача информации от одного лица к другому, и обратная связь. Чтобы показать, что это, тем не менее, не диалог, необходимо ясно зафиксировать еще одну дефинитивную черту диалога: это реальный разговор между реальными людьми в течение реального времени. Современная техника позволяет вести диалог, не видя друг друга, но возможность слышать друг друга и немедленно реагировать на услышанное является его непременным условием. Длительность так понимаемого диалога определяется физической выносливостью его участников. Он не может продолжаться не только века, но и дни. Отсюда следует, что средневековый спор об универсалиях – это цепь диалогов, перемежающихся годами исследований. Назвать все это вместе диалогом, конечно, можно – определения не делятся на истинные и ложные. Но тогда теория диалога сольется с теорией познания: в нее войдет даже теория монолога, поскольку диалог – это система монологов.

6. Противопоставление диалога, с одной стороны, монологу, а с другой, – полилогу основано на недоразумении. Греческое слово «dialogos» часто переводят как «разговор двоих». Но в этом слове приставка «dia» – «между», а не «di(s)» – «дважды». В диалоге, как, впрочем, и в монологе, может участвовать *любое* количество людей, за двумя исключениями: их количество не может быть бесконечным и оно не может состоять из одного человека. Диалог двоих называют диалогом, диалог многих – полилогом. Схематически:

Итак, я рассмотрел шесть значений, в которых термин «диалог» употребляется в повседневном и научном познании. Я называю эти значения некатегориальными и противопоставляю им категориальное значение: **диалог – это коммуникации с обратной связью**. Чтобы раскрыть смысл этого определения, различим три этапа движения информации: 1) из предмета в сознание исследователя, 2) из сознания исследователя – в сознание оппонента и 3) из сознания оппонента – обратно в предмет. Первый этап называют исследованием, второй – коммуникацией, третий – практикой. Схематически:

Из схемы видно, что исследование и коммуникация – разные гносеологические процессы, протекающие по разным законам. Аристотель считал их разными профессиями: исследователя называл философом, а человека, передающего результаты исследования другим людям, – диалектиком. В античности передача знаний от учителя к ученику обычно проходила в форме так называемого майевтического или сократического диалога: вопросы

ставил проponent (диалектик), а оппонент (ученик), отвечая на них, как бы самостоятельно приходил к доказываемому проponentом тезису, т. е. «рождал истину». И от последовательности вопросов, задаваемых диалектиком, зависел результат обучения. Вот почему «...установить, в каком порядке и как задавать вопросы – это задача одного лишь *диалектика*, ибо все это *обращено к другому лицу*; *философа* же, т. е. *ведущего исследование для самого себя*, это несколько не занимает»¹. «Топика», которую сам Аристотель называл «книгой о диалектике»², адресована именно диалектику, а не философу³.

В споре рождается истина? Сказанного достаточно, чтобы конструктивно обсудить вопрос, является ли диалог формой *только* коммуникации. Этот вопрос достаточно активно обсуждается в мировой литературе. Вот как ставит его, например, Х.Перельман, автор «Новой риторики»: «...является ли истина *результатом* обсуждения или же существуют прямые и непосредственные способы достижения истины, использование которых должно *предшествовать* всякой риторике, и последняя должна быть трансформирована из техники *открытия* в технику *представления и убеждения*?»⁴.

Если в задачу диалога включить и получение информации в ходе исследования природы, и передачу ее другому лицу, то поговорка: «В споре рождается истина» будет тривиально истинной.

Но если в его задачу включать *только* передачу другому лицу информации, полученной в ходе исследования, то возникает вопрос, ключевой для понимания самой природы диалога: *не порождает ли новую информацию сам гносеологический механизм диалога?* Примем, что поговорка «В споре рождается истина» дает утвердительный ответ *именно на этот вопрос*. Взвесим аргументы за и против этого ответа.

¹ Аристотель. Топика. 155 b // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. (Курсив мой. – Г.Л.).

² Аристотель. Первая аналитика. 46 a // Там же.

³ Кстати, сегодня «майевтический» способ обучения возрождается в новом философском направлении – философии для детей. См. об этом: Юлина Н.С. Философия для детей. М., 2005.

⁴ Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. L., 1970. P. 158. (Курсив мой. – Г.Л.).

Против поговорки. Поговорка ложна уже потому, что подавляющее большинство диалогов ведется не об описаниях, а о предписаниях. Предписания же не истинны и не ложны, а рациональны или нерациональны.

За поговорку. Хорошо, ограничимся описаниями (дескрипциями). Платон называл искусство диалога майевтикой – искусством родовспоможения, помогающим рождать истину. Таким образом, он был убежден, что в диалоге истина *рождается*. Он был не прав?

Против поговорки. В майевтическом диалоге истину рождает ученик. Учителю она известна и он приводит к ней ученика с помощью «родовспомогательных» вопросов. Следовательно, майевтический диалог – это форма передачи от одного лица к другому уже существующего знания, а не способ его порождения.

За поговорку. Тезис противоречит фактам. Примеры научных открытий, сделанных в ходе диалога, хорошо известны.

Против поговорки. Так же, как и примеры открытий, сделанных в ходе монолога, например, учебной лекции. Получается, что *истина рождается в любой коммуникации: и в диалоге, и в монологе*. Но тот, кто доказывает слишком многое, не доказывает ничего. Чтобы примирить *эмпирические* факты научных открытий, сделанных в ходе монолога и диалога, с *теоретическим* тезисом «Диалог – это форма только коммуникации», отличим то, что происходит внутри коммуникации, от того, что происходит вокруг нее. Исследование и коммуникация могут совершаться параллельно, например, когда преподаватель в тысячный раз повторяет учебную лекцию, он может задуматься и над нерешенной научной проблемой. Но в содержание осуществляемой им коммуникации это размышление так же не входит, как и почесывание потылицы. Мой вопрос: порождает ли новую информацию гносеологический механизм диалога, *выделенного в чистом виде*. Мой ответ: «нет».

За поговорку. Как известно, диалог включает не только речь проponenta, но и ответ оппонента. Чтобы подготовить этот ответ, оппонент *синтезирует* имеющуюся у него информацию об обсуждаемом предмете с полученной от проponenta. Синтез же – это *метод рождения нового знания*. Следовательно, *самим гносеологическим механизмом диалога, выделенного в чистом виде, информация не только передается от одного лица к другому, но и рождается*. Тезис доказан.

Против поговорки. Он не доказан, и лишь конкретизирован. Различим два синтеза: формальный, который совершается по уже известным правилам логики, и творческий, протекающий по пока еще не известным законам мышления. Формальный синтез не дает нового знания, а лишь проясняет уже имеющееся. Содержательный дает новое знание, но требует таких затрат времени и сил, которые в ходе диалога просто невозможны. Не зря же говорят: в один присест быка не съест. Вывод: формальный синтез входит в гносеологический механизм диалога, но, как и любой формально-логический процесс, не порождает нового знания.

За поговорку. Если исключить из содержания диалога рождение информации и оставить только передачу ее от проponenta к оппоненту, то теория диалога превратится в сборник тривиальностей.

Против поговорки. Это **боязнь простоты** – опасение, что если предмет исследования выделить в чистом виде, то о нем нечего будет сказать. Именно боязнь простоты вынуждает многих авторов увеличивать объем своих работ за счет околопроблемной информации. На самом же деле, только удалив из диалога постороннее содержание, только выделив его в чистом виде, мы получаем возможность увидеть все богатство его содержания.

За поговорку. Поговорка, выдержавшая испытание 25 веков, не может быть абсолютно ложной.

Синтез тезиса и антитезиса. Согласен. Задача заключается не в том, чтобы отбросить ее, а в том, чтобы адекватно выразить заключающийся в ней глубокий смысл. Для этого нужно различить **истинность** и **достоверность** знания. Истинным знание рождается, достоверным становится. Истинным его делает соответствие предмету, достоверным – соответствие аргументам. Предмет знания находится вне сознания, аргументы – внутри сознания. С учетом этой дистинкции рациональное содержание поговорки можно выразить так: в диалоге рождается не истинное знание и не истинность знания, а лишь его **достоверность**. На основании аргументов, признаваемых всеми участниками диалога, проponentы и оппоненты приходят к общему мнению. Эту мысль выражают так: **в споре рождается согласие**. Именно благодаря этому диалог оказывается не только инструментом превращения личного знания в межличностное, но и фильтром на этом пути. В случае если согласия до-

стичь не удастся, диалог прерывается на исследование, которое в содержание диалога не входит. Диалог – это коммуникация и только коммуникация.

Исследователя, философа по Аристотелю, можно сравнить с пекарем, а пропонента, диалектика по Аристотелю, – с продавцом булочек. И точно так же, как никакая продажа булочек не увеличивает их число, никакая передача информации от одного лица к другому, ни в форме монолога, ни в форме диалога, не увеличивает количество информации. Она увеличивает лишь количество людей, обладающих этой информацией⁵.

Итак, разница между двумя формами коммуникации – монологом и диалогом – состоит вовсе не в том, что первый только транслирует информацию, а второй еще и создает ее. Она в чем-то другом. Попробую понять, в чем.

Генетическая классификация форм коммуникации.
Введем три идеализации.

1. Идеализацию *всезнания*: пропонент знает о предмете все, и все, что он знает, верно; его методы передачи своих знаний оппоненту безукоризненны, и он имеет полное представление о том, как они усваиваются им.

2. Идеализацию *всепонимания*: оппонент понимает все и убеждается во всем, что ему говорит пропонент.

3. Идеализацию *автономности*: на передачу знаний от пропонента к оппоненту не влияют ни их личные интересы, ни угрозы или подкуп извне. Их общая цель – испытать тезис пропонента на соответствие действительности. Такие формы коммуникации в античности называли диалектическими и отличали от эристических, цель которых – навязать свое мнение оппоненту любой ценой.

Сначала посмотрим, что представляет собой коммуникация при наличии всех трех идеализаций. Пропонент формулирует оппоненту проблему, сообщает ее решение и обосновывает его. Оппонент понимает проблему и ее решение и соглашается с аргументами в защиту этого решения. Обратная связь: вопросы, дополнения и возражения – отсутствуют не потому, что запрещены,

⁵ Аналогия между коммуникацией и продажей булок, как и всякая аналогия, хромает: количество булок у булочника в ходе продажи убывает, количество информации у пропонента в ходе диалога увеличивается. Открывается одна из глубинных проблем теории коммуникации, которую я здесь лишь зафиксирую.

а просто потому, что не нужны. Назовем эту форму коммуникации **идеальным монологом**. В реальности он не встречается, но для теории коммуникации она необходима как «точка отсчета».

А теперь будем поэтапно исключать введенные идеализации. Я намерен показать, что этим «схоластическим» методом мы выявим все логически возможные формы коммуникации, в том числе и те, которые существуют реально.

Ослабим первую идеализацию: примем, что проponent знает *о предмете* все, но о том, как усваивается его информация оппонентом, он не знает. Ему для этого необходима *обратная связь*. Ее появление превращает идеальный монолог в диалог. При сохранении остальных идеализаций обратная связь сводится к выражению проponentом полного согласия с мнением учителя, преклонения перед его мудростью и глубокой благодарности. Я буду называть такой диалог **идеальным**. Именно на такую форму отношений между учителем и учениками претендуют многие восточные школы мудрости. В жизни идеальный диалог встретить трудно, но имитации его знакомы каждому, кто помнит съезды КПСС.

Теперь ослабим идеализацию *всепонимания*. В результате в содержании обратной связи наряду с согласием и благодарностью появляется *вопрос*. Это уже не чисто логическая возможность, а довольно обычное явление в практике обучения. Назовем эту форму коммуникации **диалектическим диалогом с вопросами**.

Еще раз ослабим идеализацию *всезнания* учителя: примем, что все, что он знает, верно, но всего он не знает. Это ведет к появлению нового компонента обратной связи – *дополнения* учеником концепции учителя идеями, которые вытекают из этой концепции. Эта ситуация типична для нормальной науки. Т.Кун называл такие дополнения решением головоломок. Назовем эту форму коммуникации **диалектическим диалогом с дополнениями**.

Еще раз ослабим идеализацию *всезнания*: примем, что проponent не только не знает всего, но и не все, что он знает, верно. Это порождает третий компонент обратной связи – **критику**. Диалог, включающий критику, называют **спором**. Наиболее элитарная форма спора – *научная дискуссия*. Это высшая форма коммуникации. Именно она наиболее успешно выполняет главное назначение диалога: быть фильтром на пути превращения личных идей в межличностные.

До сих пор мы рассматривали формы коммуникации, в которых и проponent, и оппонент стремились совместными усилиями решить, истинен ли тезис проponentа. Ослабим теперь и третью идеализацию: примем, что на ход диалога воздействует не только любовь ее участников к истине, но и их личные интересы. В итоге возникает новая форма диалога, когда проponent стремится выдать за истину заведомую ложь, а оппонент – опровергнуть информацию, истинность которой для него несомненна. Эту форму диалога еще можно назвать спором, но уже нельзя назвать дискуссией. Это *полемика* (от греч. *polemos* – война). От реальной войны, по мнению К.Поппера, полемика отличается тем, что в ней гибнут не люди, а лишь их идеи.

До этого пункта диалог отвечал на введение усложняющих факторов совершенствованием своего гносеологического механизма, т. е. прогрессом. Превращение дискуссии в полемику знаменует надлом. Начинается то, что С.Кьеркегор называл *«болезнью к смерти»*. Посмотрим, как это происходит.

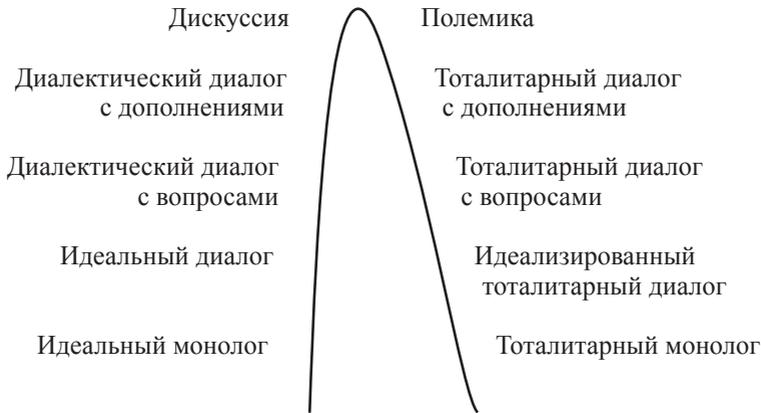
Без нарушения норм и правил диалектического диалога ни один участник полемики своих целей достичь не может. Для их достижения была разработана особая логика – логика кажимости, называемая также эристикой. Диапазон приемов эристики – от тех, перед которыми бессильны и профессионалы, до тех, которые кажутся убедительными лишь невежественной толпе. Шопенгауэр называет эристические приемы *«свинскими»*. Они эффективны лишь до тех пор, пока собеседник не видит их некорректности.

Следующий этап деградации форм коммуникации наступает, когда ее участники начинают воздействовать друг на друга не только «свинскими приемами», но и насилием. Цель насилия или угрозы насилия – не убедить оппонента, а подавить его волю к сопротивлению. Назовем такой диалог *тоталитарным*. В тоталитарном диалоге не запрещенными остаются только две формы обратной связи: выражение согласия с проponentом и развитие его идей. По форме тоталитарный диалог напоминает идеальный, но по содержанию противоположен ему, ибо порожден прямо противоположной причиной: полным неприятием оппонентом навязываемой ему информации.

Имитация идеального диалога не может продолжаться вечно. Наступает момент, когда в ответ на ожидание проponentом восторга и согласия «народ безмолвствует». На этом этапе тоталитар-

ный диалог превращается в *тоталитарный монолог*, который представляет собой последнюю стадию деградации форм коммуникации. У народа, лишённого возможности оказывать обратное информационное воздействие на источник информации, остается единственное средство такого воздействия – полемос.

Итак, с помощью простейшего логического приема – введения, а затем поэтапного исключения трех идеализаций: всеведения, всепонимания и автономности – удалось не только выявить все логически возможные формы коммуникации, но и увидеть их взаимосвязь. Представим эту взаимосвязь в форме параболы:

Формы коммуникации, представленные на восходящей ветви параболы, во времена Платона и Аристотеля называли диалектическими, а формы коммуникации, представленные на ее нисходящей ветви, – эристическими. Эта схема интересна в двух отношениях.

Во-первых, она обнаруживает симметрию между диалектическими и эристическими формами коммуникации: идеальный монолог противостоит тоталитарному, идеальный диалектический диалог – идеализированному тоталитарному и т. д. Формы коммуникации, выступающие в этих парах, тождественны по форме и противоположны по содержанию, что позволяет выдавать, например, тоталитарный монолог за идеальный.

Второе интересное свойство этой схемы обнаружится, если рассмотреть представленные на ней формы коммуникации в обратном порядке. В итоге обнаружится знаменитое тождество логического и исторического: выяснится, что исторически они возникали именно в обратном порядке. Миф, это «духовное сокровище племени», без которого члены племени не могли бы ни строить отношения между собой, ни ориентироваться в окружающем мире, совершенно незащищен перед рациональной критикой. «Демократия» погубила бы его в зародыше и тем самым лишила бы племя основы для своих действий. Сделать миф основой жизни первобытного общества мог только тоталитарный монолог, защищенный от критики всеми мыслимыми средствами, вплоть до смертной казни.

Но по мере совершенствования и самих мифов, и способов их обоснования «протекционистские барьеры», защищающие их от критики, ослаблялись: тоталитарный монолог сменялся тоталитарным диалогом, тот – полемикой, и в пределе происходит отрицание отрицания – возвращение к идеальному монологу, в котором обратной связи нет просто потому, что она не нужна. Но это, разумеется, сверхцель человеческой истории, которая ни на каком конкретном ее этапе достигнута не будет.

Резюмирую. Я постарался, во-первых, показать, что, вопреки распространенному мнению, истина в диалоге не рождается, а лишь передается от одного лица к другому, и, во-вторых, продемонстрировать эвристические возможности такой трактовки диалога. Я сделал это лишь на одном примере. Но таких примеров можно привести множество.